

Эту ночь Цзян Суйчжоу снова провел не лучшим образом.

Хоть он и заснул за чтением, а Мэн Цяньшань успел накинуть на него одеяло, чтобы тот не простудился, пробуждение было тяжелым. Голова гудела, а жесткая кушетка оказалась крайне неудобной для долгого сидения — за ночь всё тело затекло и ныло.

Цзян Суйчжоу злился про себя. Как прежний владелец тела мог выделить Хо Уцзю такую комнату с такой скудной обстановкой? Неужели он не подумал, что однажды ему самому придется спать здесь «на диване»?

Он сел; за окном уже начинало рассветать. Донесся аппетитный аромат еды — должно быть, Мэн Цяньшань уже вовсю распорядился завтраком.

Цзян Суйчжоу встал и взглянул на кровать.

Пусто.

Где Хо Уцзю?

Спросонья Цзян Суйчжоу еще плохо соображал. Он замер в растерянности, оглядывая комнату, и внезапно столкнулся взглядом с парой холодных черных глаз.

Он вздрогнул. Хо Уцзю сидел у окна в лучах раннего солнца и небрежно листал ту самую книгу, которую Цзян Суйчжоу вчера недочитал. По тому, как он держал свиток, было сразу ясно: этот человек не из тех, кто любит проводить время за чтением.

Пленник смотрел на него бесстрастно, без тени эмоций на лице. Но этот взгляд, казалось, видел принца насквозь.

Цзян Суйчжоу внезапно стало неловко. Он не сделал ничего предосудительного, но в душе поселилось странное чувство вины. Вероятно, из-за того, что его ночное бдение совершенно не вписывалось в образ жестокого принца.

Он напустил на себя равнодушный вид и холодно позвал:

— Мэн Цяньшань?

Услышав зов, евнух тут же вбежал в комнату, чтобы помочь господину подняться. Мэн Цяньшань был патологически болтлив: если Цзян Суйчжоу его не прерывал, тот мог вещать часами. Пользуясь этой болтовней, чтобы скрыть неловкость, принц быстро позавтракал, делая вид, что Хо Уцзю не существует, и поспешил уйти.

Сегодня не было общего собрания при дворе, а значит, нужно было ехать в управу.

Уходя, он не забыл напомнить:

— Не забудь переселить господина Хо.

Мэн Цяньшань рассыпался в обещаниях.

Когда Цзян Суйчжоу уехал, евнух вернулся во двор Хо Уцзю и осмотрелся. Место было захолустным и ветхим, а у генерала при себе ничего не было — он провел здесь всего одну ночь, так что и перевозить было особо нечего.

Однако статус «госпожи Хо» в глазах Мэн Цяньшаня теперь резко вырос. Нельзя же просто доставить человека в покои Ван-е без должных почестей?

Мэн Цяньшань подождал, пока Хо Уцзю закончит завтрак, и, сияя от подобострастия, подошел ближе:

— Господин Хо, не нужно ли вам чего прикупить? Я мигом распоряжусь.

Хо Уцзю промолчал.

Этот слуга раздражал его своей суетливостью и заискивающим видом. Особенно его тошнило от того, что тот уже всюю обхаживал его как любимую наложницу.

Но Мэн Цяньшань, не замечая настроения собеседника, продолжал планировать:

— Нужно пошить платья на все четыре сезона, я сейчас позову портного. И ваше кресло... я найду плотника, чтобы сделали новое. А еще слуги для личного поручения...

Он наткнулся на тяжелый взгляд темных глаз.

Мэн Цяньшань поспешно склонился, думая, что последует приказ:

— Господин?

Взгляд Хо Уцзю был подобен ледяному омуту.

— Ничего не нужно, — отчеканил он. — Просто проваливай отсюда.

Мэн Цяньшань осекся, его энтузиазм мгновенно улетучился. Он боком отошел подальше.

«Надо же, Ван-е теперь потянуло на таких диких и дерзких... С ними ох как непросто», — подумал он.

---

В дни без аудиенций полагалось присутствовать в ведомстве, но в Министерстве ритуалов дела всегда шли неспешно, а поскольку должность Цзян Суйчжоу была скорее номинальной, весь день он был предоставлен самому себе.

К тому же его начальник, Цзи Ю, был на редкость добродушным и спокойным человеком.

Судя по историческим хроникам, этот человек совершенно не стремился к власти, предпочитая политическим интригам поэзию и каллиграфию. Хотя он и был в свое время «чжуаньюанем» (лучшим на экзаменах), его карьера была ровной и неброской, зато стихи он писал великолепные.

К Цзян Суйчжоу он относился нейтрально — явно не союзник, но и не враг. Увидев бледность принца, он лишь улыбнулся и сказал, что важных дел сегодня нет и тот может идти отдыхать пораньше.

Цзян Суйчжоу наконец выдохнул.

И при дворе, и в собственном доме вода была слишком мутной, что заставляло его постоянно быть начеку. А здесь, в ведомстве, он мог немного расслабиться.

(«Мутная вода» здесь символизирует обстановку, где из-за интриг и лжи невозможно разглядеть правду, что заставляет героя постоянно ждать удара в спину даже в собственном доме.)

Впервые он почувствовал себя типичным офисным работником, который после смены не хочет возвращаться к семейному давлению и готов полчаса сидеть в машине и курить, прежде чем подняться в квартиру.

Без императора, без проницательных советников и без «бомбы замедленного действия» в лице Хо Уцзю даже воздух в министерстве казался ему чище. Настроение его настолько улучшилось, что перед уходом он даже остановился перекинуться парой слов с Цзи Ю.

— Что это вы читаете, господин Цзи? — спросил он, заметив в руках начальника свиток.

Цзи Ю поднял голову и с улыбкой протянул книгу:

— Да так, обычная неофициальная история. Никаких доказательств, просто убить время.

Цзян Суйчжоу взял книгу, пролистал и усмехнулся.

Это была не просто «байка», а весьма смелое произведение, больше похожее на любовный роман об императорах прошлых династий.

— Написано довольно занятно, — вежливо заметил Цзян Суйчжоу, возвращая книгу.

Цзи Ю удивленно приподнял брови:

— Неужели Ван-е тоже этим интересуется?

Ученые мужи того времени обычно были заносчивы: только официальные хроники считались достойными внимания, а подобные «народные рассказы» презирались.

Цзян Суйчжоу покачал головой.

Про себя он подумал: «Я, конечно, не интересуюсь этим, но вы не поверите — я стою здесь и разговариваю с вами только потому, что однажды недооценил такие "байки". Впрочем, кто знает, может, и вы сами — лишь персонаж в чьей-то будущей неофициальной истории».

Вслух же он произнес:

— Не сказал бы, что интересуюсь. Но историю всегда пишут люди. Кто знает, что из этого правда, а что — вымысел?

Глаза Цзи Ю блеснули, словно он встретил родственную душу. Цзян Суйчжоу вежливо кивнул и поспешил удалиться.

---

Цзян Суйчжоу считал, что не заслуживает столь высокого мнения господина Цзи. Вернувшись в поместье и войдя в зал Аньинь, он застал там суету. Мэн Цяньшань как раз провожал портных с рулонами ткани.

— Ван-е! — сияя, подлетел евнух. — Я уже перевез господина Хо к вам. Портные сняли мерки для новых одежд, а завтра придут мастера чинить кресло.

Цзян Суйчжоу в недоумении посмотрел на него. Почему этот малый так рьяно взялся за Хо Уцзю?

Увидев сияющие глаза Мэн Цяньшаня, жаждущего похвалы, принц выдавил:

— М-да... неплохо.

Евнух расплылся в улыбке.

Цзян Суйчжоу, не желая больше лицезреть эту глупую физиономию, направился в свои покои. Он шел расслабленно, на ходу снимая мешающую накидку. Уже переступая порог, он хотел обернуться и спросить, какую именно комнату выделили Хо Уцзю, как вдруг...

Человек в инвалидном кресле, совершенно не вписывающийся в этот изысканный и роскошный интерьер, предстал перед его взором.

Цзян Суйчжоу замер с одеждой в руках.

...Хо Уцзю.

Какого черта Хо Уцзю делает в его спальне?!

Мгновение он стоял как громом пораженный, а затем резко развернулся и вышел наружу. Там он наткнулся на Мэн Цяньшаня, чье лицо сияло от счастья и предвкушения.

Цзян Суйчжоу стиснул зубы.

«Хвалить тебя? Да я прибить тебя готов!»

— Это твоя работа? — процедил он сквозь зубы.

Мэн Цяньшань осекся, а затем на его лице отразилось внезапное «озарение».

— Ах, да! Глядите, совсем из головы вылетело: господин Хо здесь, а прислуживать-то ему и некому! — воскликнул Мэн Цяньшань. — Тех двух девиц, что я сначала приставил, я уже выгнал вон. Остался один слуга, малый вроде смиренный. Ван-е, как прикажете?..

Мэн Цяньшань замолчал, ожидая распоряжений. Лицо Цзян Суйчжоу стало багровым от гнева.

«Да кто тебя об этом спрашивал! Я спрашиваю: какого черта Хо Уцзю поселили в моей комнате?! Неужели в таком огромном поместье не нашлось больше ни одного жилого угла!»

Слова уже готовы были сорваться с губ, но он вовремя прикусил язык. Дверь была распахнута настежь, Хо Уцзю сидел внутри и наверняка всё слышал. Притащить человека к себе, а потом тут же выставить за дверь — не значит ли это нанести ему новое оскорбление?

Он-то думал, что переезд упростит ему жизнь, но из-за этого недоумка Мэн Цяньшаня уровень сложности мгновенно подскочил до «адского».

Цзян Суйчжоу стиснул зубы и одарил Мэн Цяньшаня свирепым взглядом, проглатывая так и не сказанные ругательства.

— Говоришь, остался один? — подхватил он слова евнуха. — Где он? Пойду взгляну.

Мэн Цяньшань тут же засеменил впереди, ведя его вниз по ступеням. Во дворе кипела работа. Тот самый слуга вместе с остальными таскал вещи; лоб его блестел от пота, отражая солнечные лучи. Завидев Цзян Суйчжоу, он поспешно поставил ношу и низко поклонился.

Цзян Суйчжоу замер, вспомнив кое-что важное. Он предполагал, что через три года Хо Уцзю удастся сбежать отсюда только благодаря помощи извне. Но прежний принц никогда бы не дал ему такой возможности, потому побег и затянулся на целых три года. А что, если... он сам ему поможет? Это не только сделало бы Хо Уцзю его должником, но и избавило бы самого Цзян Суйчжоу от необходимости еще два лишних года лавировать между Пан Шао и его кликой.

(Клика — это коррумпированная группировка влиятельных лиц (в данном случае сторонников Пан Шао), преследующая свои корыстные цели вопреки интересам государства.)

Поразмыслив мгновение, он обратился к слуге:

— Ты, иди за мной.

Это означало, что принц хочет дать тайные указания. Слуга поспешно последовал за ним, а догадливый Мэн Цяньшань остался на месте.

Никто из них не заметил, как сквозь щель в оконной раме пара темных, как бездна, глаз проводила взглядом удаляющуюся спину Цзян Суйчжоу. Хо Уцзю видел, как принц подозвал его слугу и отвел того в сторону для частного разговора.

О чем принцу говорить с простым слугой? Наверняка отдает приказы.

Хо Уцзю прекрасно понимал: этот малый не годен ни на что, кроме как следить за ним и докладывать хозяину. Зачем принц внезапно перевез его в свои покои... ответ казался очевидным. Это было самое охраняемое место во всем поместье. А что до того, почему его поселили именно в главной спальне... судя по тому изумлению, что промелькнуло во взгляде принца Цзина, когда тот вошел, — слуги просто что-то напутали.

Хо Уцзю считал себя человеком холодным и рассудительным. Он никогда не позволял сиюминутным мелочам туманить разум и уж точно не терял бдительности из-за копеечной любезности врага. С бесстрастным лицом, глядя холодно и отстраненно, он следил за каждым движением человека за окном. Лишь пальцы, лежащие на подлокотнике кресла, выдавали его раздражение — он дважды нетерпеливо постучал по дереву.

---

От автора: И снова наступило наше любимое время — когда наш «глупый пес» расставляет флаги!

Цзян Суйчжоу: Слышал, ты невероятно спокоен, рассудителен и тебя невозможно разжалобить?

Хо Уцзю: QAQ, женушка, гав-гав-гав!

<http://bllate.org/book/16965/1578271>